

Глава 25: Суд? Если у вас хватит смелости, приходите и начинайте войну

Коул, сидящий внизу в зале суда, посмотрел вверх на Дамблдора наверху. На первый взгляд Коул подумал, что он добрый старик с кротким видом, но он и не ожидал, что Дамблдор нападет на десятилетнего ребенка.

По правде говоря, Коула не шокировала сегодняшняя сцена. Любой, кто сталкивался с Дамблдором, хвалил его личность. Но Коул понимал, что Дамблдора, которого часто считают ни совсем хорошим, ни совсем плохим, вечно раздирают противоречия между двумя этими качествами.

Дамблдор также беспричинно параноиден в отношении некоторых вещей. Возможно, после инцидента с Гриндевальдом Дамблдор был полон решимости поддерживать стабильность магического мира. Но в то же время он позволил Волдеморту подняться, зная о последствиях, прежде чем решиться с этим разобраться.

В то время как другие могли этого не заметить, Коул видел сквозь сложности Дамблдора.

— Конечно, у меня есть возражения. Вы созвали собрание, чтобы решить судьбу моего ребенка. Как отец, я не могу этого допустить, — заявил Коул смело, не уступая давлению Визенгамота, когда он стоял в зале суда.

— Коул, я понимаю, что это суровое решение для ребенка, но вы должны осознать, что ни один Обскур не может прожить после десяти лет. Как только он проявится, Бен потеряет контроль и станет опасностью, — возразил Дамблдор со своего возвышенного положения, казалось бы, выступая за справедливость.

Однако Коул остался непоколебимым представлением Дамблдора о справедливости.

— Бен не Обскур. У семьи Блэк есть средства для управления магией в нем, — твердо заявил Коул, его слова на мгновение заставили зал суда замолчать. Некоторые сталкивались с Беном, но именно Дамблдор распространял слухи об Обскуре.

По залу суда пронеслись шепотки.

— Коул Блэк, как вы можете гарантировать, что ваш ребенок не скрывает Обскура? Что, если он проявится и будет угрожать магическому миру? — спросил волшебник, сидящий справа, его злонамеренные намерения были очевидны в его глазах. Но Коул остался непреклонен.

Это был никто иной, как юный Эйвери. Семья Эйвери, член Священных двадцати восьми, хотя и не особо могущественная, все еще имела вес благодаря своему происхождению. Отец Эйвери был близким соратником Волдеморта, следуя по его стопам.

Неудивительно, что Эйвери нацелился на него; команда Джона уничтожила его отца без суда, не говоря уже о заключении в Азкабан.

— Семья Эйвери объявляет войну семье Блэк? — бросил вызов Коул, его взгляд был холоден, когда он оказывал давление на Визенгамот.

Присутствующие волшебники не ожидали, что Коул так непринужденно объявит войну, будучи втянутым в поиски Дамблдоров решения проблемы с Обскуром.

Конечно, были те, кто стремился извлечь выгоду из ситуации, зарившись на немалое богатство семьи Блэк.

— Коул, пожалуйста, воздержитесь от разговоров о войне. Магический мир нуждается в стабильности. Мы все надеемся на мирное разрешение этого вопроса, — умолял другой, отдавая приоритет интересам чистокровных волшебников.

— Я не вижу ни малейшего стремления к мирному разрешению с вашей стороны, — парировал Коул, отмечая корыстную повестку чистокровных. Увидев непоколебимую позицию Коула, они не осмелились бросить ему вызов, опасаясь дальнейших репрессалий.

Все взгляды обратились к Дамблдору, полагаясь на его силу, чтобы подавить непокорность Коула.

Прозвище Белого волшебника все еще имело вес. Хотя Дамблдор до сих пор воздерживался от действий, никто не мог пренебречь силой магии директора.

Даже в разгар могущества Волдеморта он не осмелился напасть на Хогвартс в присутствии Дамблдора, свидетельство силы директора.

Хотя Дамблдор размышлял о волшебной дуэли с Коулом, он почувствовал в нем определенную магию и уверенность, превосходящую даже Тома Реддла. Было нечто неопределенное среди самых могущественных волшебников, и Дамблдор не мог проигнорировать потенциал Коула.

Для таких неопределенных обстоятельств обычной тактикой Дамблдора была отсрочка, ожидание ясности.

Не смущенный перспективой столкновения с Дамблдоров, Коул почувствовал, как магия в нем волнуется.

Поскольку тупик затягивался, в зал суда ворвался чиновник Министерства, срочно шепча Фаджу.

Фадж воскликнул с недоверием: «Коул, Джон и его команда - авроры Министерства. Как ты смеешь переназначать их по своему усмотрению?»

Откровение вызвало шоковые волны в Визенгамоте. Команда Джона приобрела репутацию кровопролития, и многие волшебники погибли от их рук.

Неужели Коул действительно осмелился поставить семью Блэк против всего Министерства магии?

— Министр, вы неправильно поняли. Как я могу переназначать авроров Министерства? Джон и его команда просто возвращаются домой. Почему паника? — спокойно ответил Коул, хотя скептицизм Фаджа был ощутим. Десятки полностью экипированных авроров, возвращающихся домой вместе? Это казалось больше похожим на миссию, чем на возвращение домой.

Фаджа начали терзать угрызения совести. Он не предвидел непоколебимую преданность семьи Блэк.

Он добивался расположения Джона и его команды годами, полагая, что Министерство предлагает больше возможностей, чем семья Блэк. Дружелюбие Джона заставило Фаджа поверить, что он все еще имеет влияние.

Однако он упустил из виду влияние Дамблдора, без которого он никогда бы не достиг своей должности.

Теперь он понял, что его обманули Джон и его товарищи, напрасно растрачивая свои золотые галлеоны.

Дамблдор осознал бесплодность принуждения Коула к соблюдению. Семья Блэк готовилась к войне, и даже если он мог подавить Коула, то что насчет остальных? Он слышал повествования о доблести команды Джона.

Победа над аврорами Министерства была трудновыполнимой задачей.

Что касается знатных чистокровных, они не будут действовать без личной выгоды. В лучшем случае они будут наблюдать и примкнут к побеждающей стороне.

— Коул, прекрати это. Ты можешь самостоятельно управлять ситуацией с Беном. Ты заверил нас, что магический мир не в опасности, — умолял Дамблдор, его тон смягчился, признавая собственное шаткое положение.

Коул понял, что Дамблдор уступил, скованный собственным прошлым с Гриндевальдом и Волдемортом.

— Я разберусь с делами семьи Блэк. Любая агрессия по отношению к нам будет рассматриваться как объявление войны, — заявил Коул, устремив взгляд на Эйвери. — Я помню вас, юный мистер Эйвери. Давайте надеяться на мирное сосуществование в будущем.

С этим Коул удалился, оставив зал суда в замешательстве. На лице Эйвери была гримаса, его лицо исказилось от раздражения.

<http://tl.rulate.ru/book/104242/3705361>